

КАМЧАТСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ткалич Алексей Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва, РФ). E-mail: tkalichai@mail.ru

Деятельность Камчатского православного братства, созданного в начале XX века, стала для крайнего северо-востока России источником многих социальных и культурных явлений: церковно-приходских школ, школ-пансионов, приютов для сирот и богаделен для престарелых, библиотек, читален, книжных складов, больниц, лепрозориев, аптек, которых в регионе до этого не было и в помине. В течение пяти лет, с 1910 по 1915 год, Камчатское братство построило 7 новых церквей, несколько часовен, 8 новых школ. Всего к 1918 году на Камчатке, благодаря этим энергичным действиям братства, заработали 35 церквей, 8 часовен (большинство – с престолами) и 42 школы. Дети камчадалов, эвенков и коряков обучались в них не только русской грамоте, но и ремеслам, которые обеспечивали их материально по окончании школы. Коренное население получало через Братство бесплатные лекарства и квалифицированную медицинскую помощь. Кроме того, благодаря деятельности братства, шла активная духовно-просветительская работа. В читальнях, открытых при церковно-приходских школах, проходили лектории, на которых давались основы географии, истории, культуры России. На призыв помочь коренному населению Камчатки откликнулись не только в Москве и Санкт-Петербурге: филиалы Братства открылись во многих городах России. Отлаженная система работы филиалов Братства позволяла пополнять постоянно растущие потребности Камчатской миссии. Из разных городов и весей поступали деньги, книги, учебники, иконы и лекарства.

Собранные лекарства, одежда, предметы личной гигиены, книги, учебники и школьные принадлежности, иконы и облачения для камчатских церквей послужили налаживанию широкой духовно-просветительской работы, а само Братство превратилось в особое культурное явление в регионе. Деятельность Церкви по улучшению религиозно-просветительской и церковно-приходской жизни в регионе заметно усилилась после основания Камчатского православного братства. Благодаря дея-

тельности Братства, стали вырисовываться ясные перспективы полного утверждения православия на территории всего крайнего северо-востока России.

Ключевые слова: крайний северо-восток России, коренные этносы Камчатки, Камчатское Православное Братство.

KAMCHATKA ORTHODOX BROTHERHOOD AS HISTORIC AND CULTURAL PHENOMENON IN THE FAR NORTH-EAST OF RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Tkalich Aleksey Ivanovich, PhD in Pedagogy, Assistant Professor, Department Chair of Tourism, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: tkalichai@mail.ru

The work of Kamchatka Orthodox Brotherhood, created in the beginning of the XX century, became the cause of numerous socio-cultural phenomena for the Utmost North-Eastern region. Among them are Faith schools, boarding schools, orphanages, hospices for elderly people, libraries, reading rooms, book warehouses, hospitals, leprosarium's, pharmacies which the region has never had before. Within five years, from 1910 to 1915, Kamchatka Brotherhood built 7 new churches, several chapels, 8 new schools. To the year 1918 in Kamchatka, the vigorous action of the fraternity, earned 35 churches, 8 chapels (mostly with prestol's) and 42 schools. Kids of the Kamchadal, Even and Koryak nations were taught not only Russian, but also crafts to ensure their material after leaving school. Children of the Kamchadal, Even and Koryak peoples have not only studied Russian reading and writing but also crafts which helped them to make a living after school graduation. Native population received free medicines and qualified medical help thanks to Brotherhood. Besides, due to Brotherhood work there was held active religious and spiritual education. Reading rooms opened nearby religious schools had lecture-halls where children were given the basic knowledge of geography, history and Russian culture. Not only Moscow and Saint-Petersburg have responded to the call to help Kamchatka's native population. Organized system of branches of the brotherhood allowed to replenish the ever-growing needs of Kamchatka's mission. From different cities and enjoyed received money, books, icons and medications. Brotherhood branches have opened in many Russian cities. Gathered medicines, clothes, personal hygiene items, books, study books and school equipment, icons and vestments for Kamchatka churches gave a start to a wide religious and spiritual education. Meanwhile, Brotherhood itself has transformed into a special cultural phenomenon of the region. Owing to its work, there are now outlining clear perspectives of an absolute Orthodoxy strengthening on the whole territory of Utmost North-East.

Keywords: Extreme Northeast, indigenous peoples of Kamchatka, Kamchatka Orthodox brotherhood.

Православные братства как особые церковно-общественные институты имеют в России свою особую историю. Еще в XVI веке возникли Львовское и Виленское братства, которые сыграли заметную роль в духовном просвещении Западной Руси, противостоянии ереси униатства. При их активной поддержке происходило развитие школьного просвещения, издание книг, воспитание подрастающего поколения в православном духе, став, по словам А. В. Карташева «определенно миссионерскими и вероисповедными учреждениями», основными организаторами которых были представители городского мещанства и купечества [3, с. 440]. Много позже, уже XIX веке,

в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве возникли братства, которые помогали пережить испытания, выпавшие на долю вдов и сирот Русско-турецкой войны, Отечественной войны 1812 года, жертв засух и наводнений, с трагической регулярностью обрушивавшихся на нашу страну. Братства не ограничивались лишь материальной помощью людям, их задача была более широкой – духовно-просветительской. Многие известные деятели России, а также историки Русской православной церкви, особенно в работах, относящихся к концу XIX века, отзывались на деятельность Православных братств в позитивном ключе. Так, в своем кратком статистическом очерке о положении цер-

ковных братств России А. А. Папков отметил преемственность православных братств с XVI века до второй половины XIX века, а также важность и необходимость их религиозно-просветительской деятельности [9, с. 45]. О преемственности древних и современных братств, их значении писал и И. С. Бердников в «Православном обозрении» [1, с. 57], а в статье С. М. Соловьева «Братчины», опубликованной в журнале «Русская беседа» в 1857 году, не просто поднимался вопрос происхождения, роли и значения православных братств, но утверждалось, что это явление – чисто русское, отечественное [12, с. 68].

К сожалению, в советское время к теме православных церковных братств авторы обращались в основном с атеистических позиций. Даже в конце 80-х годов в коллективном труде «Русское православие. Вехи истории» сам факт создания православных братств оценивался негативно [10, с. 44]. Лишь в середине 90-х годов XX века внимание к теме православных братств становится более взвешенным и объективным. В связи с этим данный вопрос требует своего переосмысления. Многие устоявшиеся положения и мнения требуют пересмотра и уточнения, с учетом современных требований к пониманию роли и места Православной церкви в российской истории и культуре, особенно дальних окраин страны. Это позволит существенно уменьшить количество «белых пятен» и разного рода негативных инсинуаций и искажений.

Одним из таких «белых пятен» можно считать возникшее в начале XX века Камчатское православное братство. Задачи нового Братства и факторы, способствующие его созданию, а также условия, в которых проходила его деятельность, были настолько уникальными, что заслуживают особого рассмотрения. К сожалению, некоторые советские авторы называли деятельность Камчатского братства мрачными страницами церковного мракобесия, что совершенно несправедливо и незаслуженно [11, с. 55; 2, с. 69–70]. Чтобы понять, как все было на самом деле, необходимо обратиться к архивным документам и редким, чаще всего дореволюционным, публикациям по истории Камчатского братства. Некоторые представления можно получить из мемуарной литературы свидетелей деятельности братства, фактические сведения публиковались на страницах Владиво-

стокских епархиальных ведомостей и в выпусках Православного благовестника. В любом случае указанные сведения носят разрозненный характер и необходимо их собрать воедино для последующего осмысления.

Начать следует с того, что деятельность Камчатского православного братства распространялась в основном на территорию, которая даже в начале XX века все еще считалась не до конца просвещенной в христианском отношении. Многие коренные этносы региона, несмотря на факт крещения, продолжали придерживаться языческих обрядов и традиций. Жертвы языческим идолам, нередко довольно значительные и затратные, браки по языческому обряду, обрядовое убийство стариков и тяжелобольных заставляли ужасаться путешественников и исследователей. Усугубляло положение отсутствие сколько-нибудь регулярной медицинской помощи, периодически возникавший голод, эпизоотии, косившие оленей и собак, а также нередко равнодушное отношение к проблемам коренного населения со стороны местных властей. Видя «сотни людей, одетых в рубище, голодных и, утешая их Словом Божиим, я невольно переживал самое тяжелое настроение и чувствовал упреки совести, потому что в моих руках нет средств и возможности утолить голод всей этой толпы», – описывал иеромонах Нестор Анисимов увиденные им ужасы при своем назначении на должность священника в один из отдаленных приходов Владивостокской епархии – п. Гижигу, основную долю прихожан которого, составляли коряки, эвены и чукчи [7, с. 11].

В начале августа 1907 года образовавшееся от проливных дождей и горных потоков наводнение смыло в Гижигинском уезде все запасы продуктов и корма для собак, снесло поварни, юрты, тюки с зимней одеждой у местного населения. К тому же в тот год от Гижиги и по всему побережью был «недоход» рыбы. Пострадавшему от наводнения и лишенному рыбы населению грозила голодная смерть. Все это заставило о. Нестора немедленно послать Владивостокскому архиепископу Евсевию рапорт с просьбой организовать сбор средств в церквах Владивостокской епархии в пользу голодающих в Гижигинском уезде. Однако, справедливо полагая, что епархия все равно не сможет полностью обеспечить нужды населения уезда, о. Нестор послал еще два письма

в центральную Россию. Одно – Андрею Ухтомскому, епископу Мамадышскому, а второе – знаменитому проповеднику, о. Иоанну Кронштадскому, благословившему в свое время о. Нестора на подвиг миссионерского служения на Камчатке. Вскоре, от о. Иоанна Кронштадтского пришел ответ, в котором кроме слов утешения, ободрения и надежды, сообщалось о посылаемых на нужды голодающих 400 руб. В свою очередь, епископ Андрей, духовный учитель о. Нестора, напечатал в нескольких российских газетах статьи, в которых призывал жертвовать, кто, сколько может, на терпящих голод жителей Гижигинского уезда на Камчатке. Редакции многих центральных и губернских газет, такие как «Пермская Газета», «Казанский Телеграф», «Колокол», «Санкт-Петербургские Ведомости», «Свет», «Почаевский Листок», взяли на себя труд собирать пожертвования и отсылать их в Гижигу. Положение голодающих таким образом было спасено, но другие проблемы вставали перед глазами начинающего миссионера одна за другой.

Обезжая стойбища коренных жителей Камчатки, он видел, в каком убожестве живут люди. Ужасное состояние юрт камчатских обитателей объяснялось, ко всему прочему, полным отсутствием официальной медицины. Предоставленные сами себе, камчадалы и коряки лечили свои болезни самым диким образом: лишай натирали табаком или порохом; при каменной болезни пили толченое стекло; больные глаза лечили нагаром курительной трубки; в бельмо втирали сахар, растертое в порошок серебро или березовый деготь; ожоги намазывали кровью из отрубленного собачьего хвоста [7, с. 117]. От обычных для России детских болезней, таких как корь, на Камчатке умирали даже взрослые. Эпидемии кори сменялись эпидемиями оспы, а та, в свою очередь, – голодовкой ослабленного болезнями населения. Страдали коренные жители и от психических заболеваний, возникавших от глистов и употребления недоброкачественной пищи. Один из таких недугов – так называемая «имерячка» («имяречение», «омерячка» и пр.), от которого люди впадали в состояние психического припадка и неконтролируемых действий [7, с. 118]. Достаточно было небольшого испуга, чтобы люди начинали непроизвольно выкрикивать то, о чем они думали в настоящий момент или подражать действию ис-

пугавших их собак, людей, безропотно исполняли все, что им прикажут громким голосом. Совершенно обычным явлением для Камчатки были черная оспа, а также проказа. Все, что увидел о. Нестор на Камчатке, что поразило и задело его до глубины души, привело к мысли о создании особой церковно-общественной и гуманитарной структуры – Православного братства, которое взяло бы в свои руки организацию помощи коренному населению полуострова. Архиепископ Евсевий Владивостокский преподал свое архипастырское благословение на создание братства, но официальное разрешение и утверждение Устава мог дать только Святейший синод. Однако в Синоде вопрос с созданием Православного братства был решен не сразу. Помогло благополучному исходу дела только содействие членов Императорской фамилии и, прежде всего, личное вмешательство вдовствующей императрицы Марии Федоровны [7, с. 98].

Открытие Камчатского православного братства состоялось во Владивостоке, 14 сентября 1910 года. Церемонию открытия возглавил архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий. Деятельными членами совета стали такие известные на Дальнем Востоке люди, как архиепископ Японский Николай, генерал-губернатор Приморской области Н. Л. Гондатти и др. Сам император Николай II стал первым жертвователем: из своих собственных средств он оплатил специально изготовленную церковь в разобранном виде, церковную утварь, богослужебные книги и облачения для священника. От дочерей императора в фонд братства поступили несколько десятков шерстяных платьев, связанных ими лично. Николай II собственноручно отредактировал представленные о. Нестором рисунки наградных орденских знаков братства. Официальным покровителем был назначен наследник престола – царевич Алексей. Иеромонах Нестора на церемонии открытия избрал пожизненным основателем и учредителем Камчатского православного братства.

Для отправки строительных материалов для церкви, собранных в России медикаментов и медицинского оборудования, школьных принадлежностей и книг последовал высочайший указ о выделении товарного вагона, который бы ежегодно вывозил это оборудование и все собранное во Владивосток. Все перевозки должны были осуществляться бесплатно. Стараниями о. Не-

сторы во всех крупных городах России были открыты филиалы братства. В этих филиалах шел постоянный сбор вещей, денег, лекарств, школьных учебников и книг, письменных принадлежностей и тетрадей. Все собранное отправлялось в Москву, в Чудов монастырь, а уже затем – во Владивосток и на Камчатку. За первые три года существования в Камчатское братство вступили 1900 человек. Военным чином, членам братства, специальным указом Императора разрешалось носить орденские знаки братства сразу после ордена святого Станислава на орденской ленточке цвета российского флага. На средства, которые были собраны по всем уголкам России, Камчатским Православным братством открывались в регионе первые лечебницы и первые приюты для сирот, первые богадельни и лепрозории. В течение пяти лет, с 1910 по 1915 год, Камчатское братство построило 7 новых церквей, несколько часовен, 8 новых школ. Всего к 1918 году на Камчатке, благодаря этим энергичным действиям братства, заработали 35 церквей, 8 часовен (большинство – с престолами) и 42 школы.

На заседании совета братства 5 марта 1914 года была заслушана телеграмма от начальника Камчатской миссии, получившего к тому времени за свои труды сан игумена, Нестора Анисимова, на имя его высокопреосвященства, архиепископа Евсевия, в которой он сообщил об освящении 14 января церкви в селении Кичиги, на месте древнего корякского идольского служения. При этом, как отметил о. Нестор, богослужение им было совершено на церковно-славянском и корякском языках. После освящения он устроил корякам скромную праздничную трапезу, «разделив по три ржаных сухаря, и по два куска сахара с кирпичным чаем, и радости было безгранично много. Для России эта праздничная Камчатская трапеза мало понятна, хотя для бедных [коряков] послужит утешением: не в одних их юдолях радоваться сухой корке», – заключал он в своем послании [4, с. 83]. Как отмечалось в отчетах совета братства, нужды Камчатки и Камчатской Миссии постоянно росли. Население Гижигинского и Анадырского уездов, по свидетельству игумена Нестора (в 1913 году), крайне нуждалось в устройстве более или менее нормальных помещений для школ-церквей. Да и сама миссия нуждалась в устройстве особого приюта.

По отчету Братства за 1913/14 год, следует, что на заседании совета братства 29 октября 1913 года начальник Камчатской миссии, игумен Нестор, просил отпустить необходимую сумму (до 15000 руб.) в первую очередь на постройку в селении Телички, где находилась тогда резиденция начальника Миссии, вместительного здания под устройство в нем приюта детей бедных кочующих коряков, а также для престарелых и больных взрослых. Для этого приюта, по словам о. Нестора, Камчатским губернатором и врачебным инспектором командирована уже сестра милосердия. А корякское общество своим особым определением решило в ознаменование 300-летнего юбилея Дома Романовых давать на содержание в приюте бедных детей ежегодно по 25 связок юколы (вяленой рыбы) от каждой юрты. Так как в Гижигинском уезде отсутствует строевой лес, то требуемое здание могло быть построено в г. Владивостоке, а затем в летнюю навигацию 1914 года отправлено в разобранном виде в бухту Барона Корфа. Усиленная просьба о. Нестора была удовлетворена, и Советом братства ассигновано тогда же на постройку приюта 10000 руб. На содержание и ремонт приюта решено было отпускать ежегодно по смете до 1000 руб. На дальнейших заседаниях, 3 и 6 декабря, окончательно утверждено постройку приюта производить на Седанке, вблизи Архиерейского дома, куда строительный лес можно было доставить дешевле всего, на что было получено полное согласие архиепископа Евсевия, присутствовавшего на заседании. Тогда же, по просьбе о. Нестора, решено было к зданию приюта пристроить алтарь небольших размеров. План на постройку здания и необходимых изменений взялся начертить областной инженер Г. Федосеев. План был одобрен архиепископом Евсеем Владивостокским и в течение зимы 1913/14 года, корпус здания приюта был заготовлен подрядчиком по строительным работам Лариным, согласно заключенному с ним договору. Что касается железа, стекла, кирпича и прочих материалов, необходимых при установке здания приюта на месте, то все это решено, согласно составленной смете, приобрести у местных фирм, помимо подрядчика, с тем, чтобы они сами все упаковали и приготовили к своевременной отправке вместе с заготовленным корпусом приюта на Камчатку. Все труды по закупке перечисленных материалов взял

на себя член Совета братства А. В. Суханов. Одновременно с постройкой приюта, по постановлению совета братства от 3 декабря было решено отпустить необходимую сумму и строить особое здание (размером 4x4 сажени) для отправки его в Ново-Мариинск на р. Анадырь, в административный центр Анадырского уезда. Необходимая сумма денег была Советом выделена, и вскоре причтовый дом для Ново-Мариинска и приют для Теличиков были построены по одобренному архиепископом Евсеием архитектурному плану подрядчиком Лариным. Оба корпуса закончены в апреле 1914 года и особой комиссией с участием Епархиального архитектора освидетельствованы, а затем в разобранном виде отправлены со всеми остальными строительными и отделочными материалами на Камчатку, на военном транспорте «Тобол», в июне-месяце. Груз был отправлен бесплатно, как об этом и договаривался с начальником Дальневосточного добровольного флота игумен Нестор [4, с. 88]. Вместе с упомянутыми зданиями, в селение Теличики на Камчатку был отправлен еще один сруб – для причтового дома, а также несколько человек рабочих для сборки на месте.

На постройку, погрузку и страховку всех перечисленных зданий братством до 1 августа 1914 года израсходовано свыше 15000 руб. Кроме того, на оборудование приюта всем необходимым о. Нестору отпущено было 1300 руб. По постановлению совета от 29 октября отпущено и израсходовано 300 руб. на покупку некоторых материалов для постройки церкви в селении Пенжино и приобретения небольшого набора колоколов для стройного звона. Жители этого селения и кочующие в окрестностях эвены-оленоводы пожелали произвести постройку церкви из своего леса. Они же направили ходатайство на имя Епархиального начальства с просьбой послать к ним священника. В дополнение к упомянутым суммам, учтено еще 1000 руб., потраченных на покупку собак для разъездов миссии в 1912/13 году. По постановлению Совета братства от 6 декабря 1913 года выделено 900 рублей Епархиальному училищному совету для уплаты подрядчику Кочергину за дополнительные работы при возведении церкви-школы и причтового дома на острове Караге, согласно акту о принятии этих работ. Кроме всего перечисленного, в отчетный период 1913/14 года Камчатское братство приобрело также 10 аптек

с полным набором лекарств для нужд Камчатской миссии, на что потрачено 400 рублей. По просьбе председателя Петропавловского отдела братства, протоиерея Даниила Шерстенникова, были заказаны 20 икон Святителя Иннокентия Иркутского для кочевников-прихожан церквей и часовен Петропавловского уезда, на что израсходовано было 350 руб., отпущенные еще по смете 1912/13 года.

На заседании от 21 января 1914 года заслушано письмо о. благочинного Камчатских церквей, протоиерея Даниила Шерстенникова о покупке для него, с зачислением в его долг, фотоаппарата, как крайне необходимого ему при поездках для обозрения приходов. Просьба о. благочинного была уважена и фотоаппарат приобретен [8, с. 85].

Отлаженная система работы филиалов братства позволяла пополнять постоянно растущие потребности Камчатской миссии. Из разных городов и весей поступали деньги, книги, учебники, иконы и лекарства. Так, в период 1913–1914 годов в фонд Камчатского братства поступили: из г. Сумы Харьковской губернии, от А. К. Яроша – более ста пятидесяти экземпляров разных книг религиозно-нравственного содержания, сто семьдесят картин с изображением святого Серафима Саровского, десять экземпляров журналов, много разных брошюр – всего на 115 руб.; из Москвы, от М. Н. Малкова – большая писаная икона святого Патриарха Гермогена, семьдесят одна картина религиозно-нравственного содержания и восемьдесят шесть экземпляров разных книг – всего на сумму 84 руб. 22 коп.; от члена-учредителя братства А. М. Гордого из Одессы, кроме брошюр и листов религиозно-нравственного содержания, поступили – восемьдесят одна икона на металле, один ценный запрестольный образ Божией Матери, несколько облачений для священника, несколько чехлов для аналоев и др. предметов церковной утвари – всего двадцать пудов груза; от настоятеля Русской Пустыни на Святой Афонской горе, иеромонаха Макария, через Московский отдел Братства, поступили две большие иконы в металлических ризах, ценностью в 240 руб., и много других ценных вещей и книг. Из всего того, что поступило в фонд братства, одна часть книг, брошюр, картин и крестильных крестиков направлена в Петропавловское отделение для распределения и выдачи по усмотрению. Остальной груз поступил в распоряжение начальника Камчатской миссии, игумена Нестора, для снабжения

беднейших Камчатских церквей и нужд миссии. В частности, партами, пожертвованными городской Управой Владивостока, укомплектовали церковно-приходскую школу в селении Телички на Камчатке.

Не оставлял без внимания Камчатское православное братство и Святейший синод. В 1915 году обер-прокурор Синода вынес решение о дополнительном параграфе, по которому Камчатское братство могло ежегодно получать небольшое (всего около 300 руб.) пособие из специальных средств Синода. Это ассигнование, несмотря на небольшую величину, позволяло бесплатно пересылать все почтовые отправления братства. Кроме того, в ответ на обращение о. Нестора о выделении средств на постройку небольшой церкви в колонии прокаженных около Петропавловска Синодом выделено 3000 руб. Храм был возведен во имя Святителя Николая Чудотворца. В том же, 1915 году от почетной попечительницы братства, Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, поступило разных вещей из церковного обихода и утвари на сумму свыше 4000 рублей. Все поступившее было распределено по Камчатским церквям.

Благодаря деятельности Камчатского Православного братства, на Камчатке увеличивалось количество храмов и школ, больниц и приютов. В 1911 году, по просьбе о. Нестора, на Камчатку прибыли три сестры милосердия из Пермской Мариинской общины Красного Креста: начальница этой общины, А. Н. Урусова, а также А. А. Кашина и И. Г. Волкова-Жукова. Энергичная деятельность этих женщин стала значительным вкладом в работу Камчатского братства. Они часто и много ездили по корякским и эвенким стойбищам, посещали жилища ительменов. Коренные жительницы Камчатки учились у сестер милосердия правилам общей и санитарной гигиены, уходу за больными, приготовлению пищи из новых продуктов и т. п. «премудростям», доселе им неизвестным. Большую работу проделали сестры милосердия, находясь среди больных проказой. Таких больных в те годы было немало, и в родном стойбище их в лучшем случае ждало изгнание, а в худшем – смерть. На деньги Камчатского братства, недалеко от Петропавловска, был устроен лепрозорий – лечебница с отдельными домиками, кухней-столовой и церковью. Лепрозорий обеспечивался на средства братства всем необходимым для содержания больных –

медикаментами и перевязочным материалом, постельным бельем и одеждой, продуктами питания и кроватями, а также кухонной и столовой посудой на каждого больного. Специально для больных приобрели лодку, сети и невод для ловли рыбы; для больных женщин – материал для шитья и вышивания. У медицинской сестры в лепрозории была масса работы – она сама готовила для больных еду, стирала белье и мыла посуду, а также проводила курс обязательного лечения и показывала, как пользоваться теми или иными предметами быта – ведь большинство больных поступало из инородческих поселений. В лепрозории все было важно. Учитывая удрученное состояние по тем временам неизлечимо больных, сестра милосердия старалась найти им какое-либо посылное занятие, соответствующий легкий труд.

Больших успехов на посту сестер милосердия достигли – Т. Казанцева, которая пробыла на Камчатке шесть лет, а также А. И. Томсон. Анна Ивановна Томсон, немолодая уже женщина-врач, прибыла на Камчатку одной из последних. «Как и ее предшественницы, – вспоминал митрополит Нестор, – эта милая старушка была для прокаженных заботливой и доброй матерью». В самом начале 1917 года в районе той местности, где находился лепрозорий, произошло обычное для Камчатки землетрясение. Почти все строения лепрозория были разрушены, но домики, где жили больные, остались целыми. Больные очень боялись за судьбу своей сестры милосердия, которая «почему-то» не пришла успокоить их в самые опасные минуты землетрясения. Лишь случайно находившийся в этих местах охотник смог разрешить все недоуменные вопросы: он вытащил из-под горящих бревен полуразрушенного домика сестру Томсон, после чего она, не обращая внимания на свои раны и пережитой ужас, поспешила к своим подопечным [7, с. 545].

Сестры милосердия пользовались заслуженной любовью местных жителей, которые в начале, видя женщин с крестами на груди, называли их «невисхат-попе», то есть женщина-священник, а затем, хорошо узнав, стали называть их матерями. Сестры милосердия были действительно матерями, в любую минуту идущими на помощь ко всем, кто в этой помощи нуждался.

На севере Камчатки, в упомянутом выше селении Телички, стараниями о. Нестора, Камчатское православное братство открыло специ-

альный приют для местных ребятишек. Заведовать этим приютом поставили сестру милосердия И. Г. Волкову-Жукову. При приюте имелась и школа-церковь, настоятелем которой был священник-камчадал. Такой же приют в доме из восьми комнат был открыт о. Нестором в с. Иоасафовском, в бухте Барона Корфа в 1914 году. Митрополит Нестор, спустя многие годы, вспоминал: «...десять плотников едва успели достроить его к прибытию последнего в навигацию парохода. Приходилось работать, помогая плотникам, и мне, и сестре милосердия, и ребятам. Общими усилиями нам удалось еще соорудить колонку и оборудовать две ванны. Неизбалованное вниманием к своим нуждам местное население не верило, что все это сделано для их детей, которые будут здесь жить, питаться, учиться и пользоваться бытовыми услугами даром. Детишки от непривычки первое время даже падали с кроватей на пол» [7, с. 140]. Многие из ребятишек, живя в приюте, проявляли способности к различным ремеслам – мальчики к столярному и слесарному делу, а девочки – к рукоделию и шитью. Для развития способностей при приюте оборудовали специальные мастерские, инструменты и материалы для которых также приобрели на деньги братства [8, с. 67].

Необходимого улучшения требовало и внешне состояние церквей на Камчатском полуострове. Особенно тягостное впечатление производили давно построенные и не ремонтировавшиеся много лет храмы. Вот в каком состоянии застал иеромонах Нестор Спасскую церковь в Гижиге в 1907 году: «Дела в плачевном состоянии: церковная ограда завалилась, стены и потолок закопчены до черноты, в иконостасе не хватает икон, лики едва различимы; по стенам три иконы в беспорядке, печь не топится, алтарь загроможден разбитыми ящиками с разными книгами, иконами, сосудами, разными обломками и тряпьем. Ризница в самом плачевном состоянии; писмоводство в запущении; архива церковного нет, а все старые истрепанные дела валялись по углам алтаря и на квартире священника, не подшитые метрические свидетельства находились частью в церкви, а частью также на квартире священника, так что за целостность не ручаюсь... Служба в церкви бывала редко, по рассказам жителей, даже на Св. Троицу и то обедни не было, а бывали иногда часы. Служба совершалась в более

удобное для священника время; поучений и бесед никогда не велось; священник служил сбивчиво – по слабости и по случаю потери памяти; к покаянию и причащению приступали далеко не все прихожане; псаломщики не знали своего дела и не исполняли его. В пастырском отношении, пастырь далеко отстоял от паствы; ясного понятия о богослужении, о церкви, о житии святых многие не имели. Церковная жизнь замирала, глхла, и никем не поддерживалась. При упадке церковной жизни не отличалась нравственностью, благочинием и благоустройством и вся общественная жизнь в Гижиге» [7, с. 535–536].

Конечно, положение, какое застал о. Нестор здесь, не было явлением повсеместным и даже типичным, но в каждом из Камчатских приходов имелась масса проблем, связанная и с ветхостью церковного здания, и с равнодушием властей, и с далеко не вовремя получаемым жалованием священниками. Нищета священников порой доходила до того, что им приходилось даже дома ходить в одной рясе, надевая подрясник только на службу в церковь. Начинаящему пастырю, каким был иеромонах Нестор, уже тогда было ясно, что все проблемы можно решить только тогда, когда приходская жизнь будет поднята на должную высоту. Но его энергичные действия и предпринятые меры не всегда находили отклик: «...мои постоянные проповеди о нравственности и жизни христианской не нравились противникам Церкви, и они с большой злобой и ненавистью нападали на меня и бесчинствовали. Озлобление на меня доходило даже до различных угроз. Для охранения меня, часто идущего со Святыми Дарами, и днем, и ночью, начальником уезда была приставляема ко мне казачья охрана... А во время моей поездки к голодающим инородцам с посильной помощью и Святыми Дарами, уже сама местная администрация ставила мне разные препятствия, и допускала по отношению ко мне вольные и дерзкие издевательства: отнимала подводы, когда я уже проехал 25 верст; указывали, что я, священник, являюсь бременем для инородцев, и т. д.» [7, с. 537].

Несмотря на все эти неприятности, о. Нестор занялся основательной перестройкой всей приходской жизни в Гижиге. Постоянные встречи с прихожанами, возобновление регулярных богослужений, поднимали авторитет Церкви в глазах

жителей Гижиги и ее окрестностей, помогали их по-иному относиться к самому о. Нестору – их новому пастырю и духовному отцу. Немаловажными в этом процессе стали регулярно проводимые крестные ходы. Например, в Великую Пятницу, в 1908 году, крестный ход был совершен из кладбищенской церкви в большую Спасскую; или из Гижиги – в местечко Кушка, где в доме уездного управления была устроена временная церковь, и обратно в Гижигу. Народу на крестные ходы собиралось много – почти все население Гижиги и Кушки. При чем, когда ход приближался к Гижиге, ему навстречу выходил другой крестный ход, и, встретившись, все с необыкновенным воодушевлением пели: «Заступнице, усердная и Матерь Бога нашего...». Все это происходило на глазах некрещеных жителей тундры, давая самый лучший пример к подражанию. Один из таких крестных ходов о. Нестор описал в своей заметке «Из Камчатки» в «Православном Благовестнике» за 1909 год.

Таким образом, труд о. Нестора Анисимова по улучшению религиозно-просветительской и церковно-приходской жизни в регионе заметно усилился после основания Камчатского православного братства. Только благодаря деятельности братства начали вырисовываться более ясные перспективы окончательного утверждения христианства на территории крайнего северо-востока России. Православное камчатское братство стало для Камчатки и для всего крайнего северо-востока России провозвестником многих социально-культурных учреждений: церковно-приходских школ, школ-пансионов, приютов для сирот и богаделен для престарелых, библиотек,

читален, книжных складов, больниц, лепрозоториев, аптек, которых в регионе до этого не было и в помине. Дети обучались не только русской грамоте, но и ремеслам, которые давали им материальное благополучие по окончании школы. Коренное население получало через братство бесплатные лекарства и квалифицированную медицинскую помощь. Кроме того, благодаря деятельности братства, шла активная духовно-просветительская работа. В читальнях, открытых при церковно-приходских школах, проходили лектории, на которых давались основы географии, истории, культуры России. К этой работе привлекались школьные учителя, священники, местные чиновники. Широко использовались наглядные пособия, картины, фотографии, а также так называемый «волшебный фонарь» – прообраз современного эпидиаскопа [13, с. 128]. Местное население с готовностью откликалось на усилия, предпринимаемые Православным камчатским братством. Без прежней боязни камчадалы и эвены посылали своих детей для обучения в школе. Грамотные жители камчатских сел брали в библиотеке книги, охотно посещали читальни и лектории. Как верно заметил исследователь образования и просвещения на Дальнем Востоке этого периода Г. Севильгаев, местное население, благодаря усилиям Православной церкви в регионе, усвоило самое главное: *писать, читать, считать и учиться* [11, с. 134]. К сожалению, сразу после Октябрьской революции 1917 года все эти так успешно начавшиеся процессы были остановлены. На крайнем северо-востоке России началась иная эпоха, в которой Православной церкви места не нашлось.

Литература

1. Бердников И. С. Церковные братства // Православное обозрение. – 1868. – Кн. 4. – 57 с.
2. Жданова Е. Камчатское православное братство // Наука и жизнь. – 1979. – № 4. – С. 69–70.
3. Карташев А. В. История Русской церкви. – М.: Эксмо, 2004. – 440 с.
4. Летопись Православного Камчатского братства // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1914. – № 3, № 7. – С. 45–89.
5. Нестор, иеромонах. Из Камчатки // Православный благовестник. – № 12. – Кн. 2. – 1909. – С. 7–24.
6. Нестор (Анисимов), иеромонах. Записки Камчатского миссионера // Православный благовестник. – 1909. – № 1. – С. 531–677.
7. Нестор (Анисимов), митр. Моя Камчатка. – М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1995. – 272 с.
8. Отчет Православного Камчатского братства за 1913–1914 отчетный год // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1915. – № 2. – С. 55–92.
9. Папков А. А. Церковные братства. Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 года. – СПб., 1893. – 147 с.

10. Русское православие. Вехи истории. – М., 1989. – 719 с.
11. Севильгаев Г. Очерки по истории просвещения на Дальнем Востоке. – М.: Просвещение, 1979. – 423 с.
12. Соловьев С. М. Братчины // Русская беседа. – 1857. – № 4. – 68 с.
13. Ткалич А. И. Православная миссия на Крайнем Северо-Востоке. – М.: МГОУ, 2011. – 235 с.

References

1. Berdnikov I.S. Tserkovnye bratstva [Church brotherhood]. *Pravoslavnoe obozrenie [Orthodox review]*. Moscow, 1868, no. 4, p. 57. (In Russ.).
2. Zhdanova E. Kamchatskoe pravoslavnoe bratstvo [Kamchatkan Orthodox brotherhood]. *Nauka i zhizn' [Science and life]*, 1979, no. 4, pp. 69-70. (In Russ.).
3. Kartashev A.V. *Istoriya Russkoy Tserkvi [History of Russian Church]*. Moscow, Exmo Publ., 2004. 440 p. (In Russ.).
4. Letopis' Pravoslavnogo Kamchatskogo bratstva [Chronicle of the Orthodox of the Kamchatka Brotherhood]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti [Vladivostok Diocesan Lists]*, 1914, no 3, no. 7, pp. 45-89. (In Russ.).
5. Nestor, ieromonakh. Iz Kamchatki [From Kamchatka]. *Pravoslavnyy Blagovestnik [Orthodox Messenger]*, 1909, no. 12, pp. 7-24. (In Russ.).
6. Nestor (Anisimov), ieromonakh. Zapiski Kamchatskogo missionera [Note the Kamchatka missionary]. *Pravoslavnyy Blagovestnik [Orthodox Messenger]*, 1909, no. 1, pp. 531-677. (In Russ.).
7. Nestor (Anisimov), mitr. *Moya Kamchatka [My Kamchatka]*. Moscow, Izdatel'stvo Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry Publ., 1995. 272 p. (In Russ.).
8. Otchet Pravoslavnogo Kamchatskogo bratstva za 1913-1914 otchetnyy god [Report of the Orthodox of the Kamchatka brotherhood in 1913-1914 the reporting year]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti [Vladivostok Diocesan Lists]*, 1915, no. 2, pp. 55-92. (In Russ.).
9. Papkov A.A. *Tserkovnye bratstva. Kratkiy statisticheskiy ocherk o polozhenii tserkovnykh bratstv k nachalu 1893 [Church of the fraternity. A brief statistical overview of the situation of religious brotherhoods to top, 1893]*. St. Petersburg, 1893. 147 p. (In Russ.).
10. *Russkoe pravoslavie. Vekhi istorii [Russian orthodoxy. Milestones of history]*. Moscow, 1989. 719 p. (In Russ.).
11. Sevil'gaev G. *Ocherki po istorii prosveshcheniya na Dal'nem Vostoke [Essays on the history of education in the far East]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 423 p. (In Russ.).
12. Solov'ev S. M. Bratchiny [Bratchiny]. *Russkaya beseda [Russian interview]*, 1857, no. 4. 68 p. (In Russ.).
13. Tkalich A. I. *Pravoslavnaya missiya na Kraynem Severo-Vostoke [Orthodox Mission in the far North-East]*. Moscow, MGOU Publ., 235 p. (In Russ.).